

УДК 347.951

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Пеленицына М. В., Худоба В. Н.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Изложенное позволяет рассмотреть судебное решение, включая иностранное, как акт верховенства права, так как: во-первых, отправление правосудия является правоохранительной функцией государства, что выступает одной из составляющей государственного суверенитета; во-вторых, у государства, как независимого публично-правового образования, отсутствует какое-либо обязательство по признанию и приведению в исполнение любого иностранного распоряжения и/или решения, а в-третьих подобное признание, вследствие и исполнение, допускается лишь на основании внутреннего процессуального законодательства либо по желанию (акту, как правило) суверена, который мог исходить из международной вежливости, взаимности. Стоит отметить, что отечественный законодатель и большинство представителей доктрины рассматривает судебное решение именно в таком ключе.

Признанию решений в рамках доктрины приобретенных прав базируется на следующих постулатах: судебное решение является актом, подтверждающий приобретенные в частноправовых отношениях права, которые в дальнейшем уже не могут быть предметом пересмотра никакого суда; право, приобретенное должным образом в соответствии с законодательством государства-вынесения, имеет трансграничный характер и должно признаваться остальными странами; для наделения иностранного решения свойством исполнимости необходимо разрешение со стороны национального суда государства-исполнителя/суверена.

Ключевые слова: юридический факт; акт; обязательство; суверенитет; территориальное верховенство; признание; исполнение; судебное решение.

К пониманию иностранного судебного решения преимущественно сложился в странах континентального права. С определенной долей достоверности можно говорить о том, что толчком развития послужила доктрина, предложенная Ж. Боденом о суверенитете, которая под действием социально-экономического преобразования общества, включая переход французской формы правления к абсолютной монархии, стала накладываться на личность правителя. Например, Л. Булленуа утверждал, что вынесенные судебные решения обладают обязательной силой вследствие наличия печати монарха, что свидетельствует о его вынесении именем монарха [10]. В связи с этим любое вмешательство в отправление правосудия можно было расценить, как вмешательство в личные (суверенные) полномочия монарха, что в свою очередь влекло вмешательство в национальные дела государства. Подобное поведение считалось не допустимым в рамках Вестфальской системы международного порядка, в противном случае нарушается закоренелый принцип римского права (базиса европейских правовых систем) «*par in parem non habet imperium*». В отечественной доктрине также можно проследить подобные мысли [13]. При рассмотрении вопроса признания решение правитель исходил из личных побуждений, которые могли основываться на уважение к личности другого суверена либо ориентироваться на признание его решений в том государстве, либо пойти на уступки и проявить свою милость. В дальнейшем историческом развитии данные внутренние ориентиры монарха трансформировались учёными-международниками в принцип вежливости, вза-

имности. Последний проявлялся в взаимно-встречных уступках, которые должным образом фиксировались в международных договорах, трактатах, как гарантия такого признания.

Также прослеживание такой природы иностранного судебного акта можно заметить в теории кумуляции [12]. Когда речь идёт о концепциях, лежащих в основе раскрытия понятий приведения и исполнения. На основе данной теории распространение действия иностранного решения возможна только до пределов, в которых действует соответствующее, аналогичное решение, вынесенное внутри признающей страны в соответствии с национальным правом [8]. Действительно, нельзя не согласиться с подобными выводами постольку, поскольку судья повинует распоряжениям не иностранной власти, а своей, туземной, а при таком подходе наделение иностранного судебного решения большей законной силой, чем внутригосударственных свидетельствует об ущемлении суверенитета, а именно в неуважение к власти, которая наделила судью полномочиями (судья ставит под сомнение компетенцию правонаделителя, что отражается на достоинстве последнего).

В противовес концепции кумулятивности западные исследователи выдвигают иную – концепцию распространения действия, суть которой заключается в том, что иностранное решение сохраняет свою законную силу в полном объеме на территории государства-исполнителя, т.е. распространяемые последствия равны в полной мере последствиям, которые б данное решение имело в границах государства-вынесения. Примечательно, что такой подход тесно связан с теорией приобретенных прав (англ. *vested rights theory*), которая преимущественно сложилась и наиболее ёмко выразилась в системе общего права (англо-американской правовой семье). Суть такого подхода можно описать выражением британского коллизиониста Альберта Дайси: «Любое право, которое было надлежащим образом приобретено на основании права любого цивилизованного государства, подлежит признанию и, по общему правилу, принудительному исполнению английскими судами» [3], т.е. возможность признания зависит от принципа охраны субъективных юридических прав, которые были приобретены в иностранном государстве и не могут больше подвергаться пересмотру (сомнению) в других «цивилизованных» странах. Ярким прецедентом, где проявился описанный подход, является дело *Marjoribanks v Askew* (1930). В нём судья Дж. Моэм не стал применять принцип «*renvoi*» (обратной отсылки) по отношению к статусу дочери гражданина Германии, который был приобретён по национальному немецкому законодательству, т.к. английский судья не может его применить в силу принципов английского права (за исключением случая, если будет доказано, что данный принцип является частью закона домицилия), тем самым сохранил его при рассмотрении дела в английском суде.

Корнями истоки данной теории уходят в труды голландского правоведа XVII века Ульрика Губера. Исследуя римское право, он сформулировал аксиомы в труде «*Praelectiones Juris Civilis Romani et Hodierni*». Описывая третью аксиому, У. Губер приходит к выводу, что непризнание иностранных решений (по причине государственного суверенитета) замедляет межнациональный торговый оборот и тем самым порождает большие неудобства для сделок. Чтобы поддержать торговые связи народов суверены других стран действуют таким образом, что права, приобретенные в пределах одного государства, сохраняются и признаются повсеместно, если они не вредят праву, власти другого суверена и его поданным [9]. Из этого следует,

что признание и исполнение происходит во воле монарха, которая обличается в определенный акт. Данный автор был не одинок в своих размышлениях, его современник и соотечественник Пауль Вут, в частности базируясь на рассуждениях Ульрика, развивает своё учение о международной взаимности, от наличия которого зависит получение согласия на исполнение решения.

Помимо голландской школы права к теории приобретенных прав тяготились также представители французского континентального права, включая Антуана Пилле. Он связывал эту теорию дополнительно с принципом справедливости. Из его рассуждений следует, что приобретенные права в рамках понятия справедливости должны признаваться и получать защиту в другом государстве, так как это будет проявлением уважения к государству-вынесения, который осуществил отправление правосудия законно на основании своего национального права [6]. Однако, существуют такие нюансы: данный принцип применяется исключительно к частноправовым отношениям и в случае отсутствия взаимности может не применяться, существуют ограничения, основанные на публичном порядке, права не будут признаны, если в материальном праве государства-исполнителя отсутствуют его аналоги. Другой француз, маркиз Паскаль де Варей-Сомьер, приравнивает временную и межпространственную коллизию. Исходя из этого, делает вывод о том, что, приобретя определенные права в одном государстве и переместившись в другое, человек сохраняет свой статус, т.к. правоотношения возникли и были зафиксированы до попадания в другую страну и не могут быть пересмотрены в силу принципа запрета обратной силы закона [5].

Вследствие активного развития юридической мысли в эпоху Нового Времени, аксиома Убера была принята представителями английского и американского права, в частности А. Дайси, о чём уже упоминалось выше. Однако, его видение была подвергнуто критике, потому что понятие «цивилизованные страны» носит абстрактный характер без уточнения признаков, которые помогли бы определить относится то или иное государства к таковым, что вызывает юридическую неопределенность [4]. Критиковал также М. Вольф, который был убеждён, что доктрина принимает без доказательств положение (решение) о приобретении права, однако остаётся вопрос приобреталось ли это право в целом [7].

Советская юриспруденция в своё время испытывала влияние теории приобретенных прав. Так, А. Лунц указывает на необходимость сохранения именно тех субъективных прав, которые возникли под действие иностранного закона, при его применении отечественными юристами. В современной России также она не осталась без внимания исследователей, в частности о ней писали А.А. Костин, Р. В. Зайцев.

Помимо основных доктрин понимания природы судебного решения существует также отдельные (менее распространённые) подходы.

Один из них рассматривает судебное решение, как приказ суда, который основывается на властных персонифицированных предписаниях для конкретных сторон, в конкретной жизненной ситуации. Такое представление о природе судебного решения имеет связь с доктриной обязательства судебного решения, предложенной бароном Парком. Она ссылается на положения о том, что вынесенное судебное решение компетентным судом создаёт договорное обязательство. Согласно доктрине общего права, иностранное судебное решение, содержащее веление по уплате денежных средств, приравнивается к денежному обязательству согласно английскому

праву и выступает основанием для иска, что указывает на отсутствие у таких решений свойства *res judicata*, т.к. не устанавливает запрет на обращение в английский суд. Однако, как справедливо отмечает М. Вольф, такая доктрина ссылается на фикцию договора и не в состоянии оправдать судебные решения, которые не завязаны на денежных отношениях (например, решение о расторжении брака либо изъятии вещи из чужого незаконного владения).

Имеется доктрина о гармонии права и судебного решения, сформулированная Баром. В её ядро юрист разместил взаимоотношение коллизионного права и судебного решения. Последнее, с его точки зрения, является специальным законом, регулирующим одно единственное дело, которое соответственно будет влечь последствия для физических лиц и/или организаций. На мой взгляд, подобный подход к определению природы решения сильно упрощён и несостоятельный. Во-первых, такие «судебные законы» влекут последствия только спорящих сторон, в то время, как норма закона носит неперсонифицированный характер и рассчитана на неоднократное применение. Во-вторых, да наука права рассматривает судебное решение в качестве *lex specialis* (специального закона), но на признания и приведения в исполнение это не влияет, так как судья, руководствуясь «туземным» законодательством санкционирует законную силу иностранного решения, так как сложно (чаще не представляется возможным) обосновать допустимость исполнения акта на основании зарубежных правовых норм. В качестве примера следует привести ст. 11 ГПК РФ [2] и ст. ст. 13, 14 АПК РФ [1]. В-третьих, подобный подход снижает количество судебных актов о принудительном исполнении решений либо вовсе ликвидировал исторических сложившийся путём эволюции данный институт процессуального права [11].

Идея о том, что судебные решения выступают юридическими фактами материального права, зародилась при рассмотрении природы иностранных решений, но стоит остановиться на отечественной доктрине, где данный вопрос не нашёл единого мнения.

Одни, отдавая главенствующую роль правовосстановительной функции, утверждали, что судебное решение – это акт правосудия, акт защиты, поэтому оно не может выступать в качестве материально-правового юридического факта, в то же время в цивилистическом процессе доктрина признавала существование процессуальных юридических фактов, которые влияли исключительно на процесс (например, факт признания исковых требований). Необходимо отметить, что данный подход преобладал и поддерживался преимущественно представителями советской процессуальной отрасли.

В противовес, исследователи материального гражданского права, в частности Д.М. Генкин, стали связывать порождение материальных правоотношений с судебным решением, который рассматривался как юридический акт с вытекающими из него субъективными правами и обязанностями. Для материалистов данная тема являлась наиболее сложной, так как речь идёт о гипотетическом возникновении материальных правоотношений. Нельзя не вспомнить о влиянии исследования преобразовательных исков М.А. Гуревича. Советский правовед впервые установил, что конститутивные иски ведут к преобразовательным решениям, которые следует причислять к юридическим фактам, действующим в сфере материально-правовых отношений. Вдохновившись исследованиями природы преобразовательных исков,

О.А. Красавчиков объединил описываемые выше теории. В его представлении судебного решения, как материально-процессуальный юридический факт, находится в зависимости от вида подаваемого иска, который и будет определять к какому из фактов относится определенное решение. Данное новаторство не смогло положить конец спору о взаимосвязи судебного решения с юридическим фактом, поэтому в советской науке вплоть до конца XX века сохранялся дуализм мнений. Конец данным распрям решил положить законодатель, который с принятием нового Гражданского кодекса в 1994 г. легализировал в ст. 8 ГК РФ судебное решение, как юридическим фактом материального права. Любопытно, что относительно судебных решений сделано замечание, что права и обязанности будут возникать, если судебным решением они «установлены». Такая формулировка позволяет судить о том, что не все судебные решения повлияют на материальные права и обязанности, а лишь отдельные (например, решения, касающиеся статуса субъектов гражданских правоотношений, влияют на правоспособность и дееспособность, но не на материальные права и обязанности).

Таким образом, судебное решение дополнительно можно рассматривать, как юридический факт. Природа последнего может влиять как на возникновение прав/обязанностей в материальном праве, так и являться причиной процессуальных последствий.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ Собрания законодательства РФ. - 2002. - N 30. - Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - ст. 4532.
3. Dicey A.V., Morris J.H.C., Collins L.A. The Conflict of Laws — 10th edition — London: Stevens, 1980. — P. 23—24.
4. McClean D. General Course on Private International Law // Recueil Des Cours / Collected Courses (англ.). — Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000. P. 62. — 400 p.
5. Pierre A. Lalive. The Doctrine of Acquired Rights (англ.) // Rights and Duties of Private Investors Abroad. — New York: Southwestern Legal Foundation, 1965. P. 160.
6. Pillet A. La théorie générale des droits acquis (фр.) // L'Académie de Droit International de La Haye Recueil des Cours. — Boston, 1925. — Vol. III, livr. 8. P. 491.
7. Вольф М., Международное частное право. / Пер. с англ. С.М. Рапопорт; под ред. Л.А. Лунца. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. С. 276.
8. Гетьман-Павлова И. В. Наука международного частного права: Ульрик Губер // Вопросы правоведения. — 2012. — № 4 - С. 173.
9. Зайцев Р. В. Понятие признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений // Арбитражный и гражданский процесс. — 2005 - №5 — С. 36.
10. Костин, А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: монография / А. А. Костин. - Москва : Статут, 2020. - 207 с.
11. Пеленицына М.В. Реализация процессуальных прав и гарантий на обращение за защитой прав и законных интересов в арбитражном процессе. XXVII Международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики» // Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы XXIX международной научно-практической конференции (июнь 2021 года). – Отв. редактор Наумов В.А. – Прага, Чешская Республика: Изд-во WORLD PRESS s.r.o., 2021. – С.15-19
12. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: учебник; пер. с нем. Е. В. Гречишниковой. – М. : БЕК, 2001. С.388.
13. Яблочников Т. М., отправлять правосудие есть одно из существенных и неприкосновенных атрибутов самого суверена; См. Яблочников Т. М., Яблочков Труды по международному частному праву. — М.: Статут, 2009. С. 159.

Pelenitsyna M.V., Khudoba V. N. The legal nature of judicial review in civil proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – P. 241-246.

The sciences of law, including international, contain a multiplicity of approaches to determining the nature of a court decision. Each of which contains specific features that make it possible to identify it, but at the same time is closely intertwined with others. The dominant positions are occupied by two doctrines. Thus, in the Anglo-Saxon system of law, the theory of acquired rights is at the center, and in the countries of continental law, a court decision is the result of the exercise of sovereignty. The essence of the first one boils down to the fact that the rights acquired by a person remain valid even on the territory of a foreign state, and the decision by which they were secured is of a preliminary nature, since it cannot be the subject of revision. However, in order to execute such a decision, legalization by domestic law is needed. The core of the second approach is the philosophy of sovereignty and the principle of equality (partnership) of States. On the basis of this, judicial decisions have legal force only within the State of their issuance, and beyond its borders, the binding force of the decision is completely dependent on the State of recognition.

Keywords: review of a civil case; civil proceedings; civil procedure; forms of review; appeal.

Spisok literatury:

1. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24 iyulya 2002 g. N 95-FZ Sobranii zakonodatel'stva RF. - 2002. - N 30. - St. 3012.
2. Grazhdanskiy processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 16.04.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 2002. - № 46. - st. 4532.
3. Dicey A.V., Morris J.H.C., Collins L.A. The Conflict of Laws — 10th edition — London: Stevens, 1980. — P. 23—24.
4. McClean D. General Course on Private International Law // Recueil Des Cours / Collected Courses (angl.). — Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2000. P. 62. — 400 p.
5. Pierre A. Lalive. The Doctrine of Acquired Rights (angl.) // Rights and Duties of Private Investors Abroad. — New York: Southwestern Legal Foundation, 1965. P. 160.
6. Pillet A. La théorie générale des droits acquis (fr.) // L'Académie de Droit International de La Haye Recueil des Cours. — Boston, 1925. — Vol. III, livr. 8. P. 491.
7. Vol'f M., Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. / Per. s angl. S.M. Rapoport; pod red. L.A. Lunca. M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1948. S. 276.
8. Get'man-Pavlova I. V. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: Ul'rik Guber // Voprosy pravovedeniya. — 2012. — № 4 - S. 173.
9. Zajcev R. V. Ponyatie priznaniya i privedeniya v ispolnenie inostrannykh sudebnykh reshenij // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. — 2005 - №5 — S. 36.
10. Kostin, A. A. Pravovye osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostrannykh sudebnykh reshenij v Rossijskoj Federacii: monografiya / A. A. Kostin. - Moskva : Statut, 2020. - 207 s.
11. Pelenitsyna M.V. Realizaciya processual'nykh prav i garantij na obrashchenie za zashchitoy prav i zakonnykh interesov v arbitrazhnom processe. XXVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki» // Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki: Materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (iyun' 2021 goda). — Otv. redaktor Naumov V.A. — Praga, CHeshskaya Respublika: Izd-vo WORLD PRESS s.r.o., 2021. — S.15-19
12. SHak H .Mezhdunarodnoe grazhdanskoe processual'noe pravo: uchebnik; per. s nem. E. V. Grechishnikova. — M. : BEK, 2001. S.388.
13. Yablochnikov T. M., otpravlyat' pravosudie est' odno iz sushchestvennykh i neprikosnovennykh atributov samogo suverna; Sm. Yablochnikov T. M., Yablochikov Trudy po mezhdunarodnomu chastnomu pravu. — M.: Statut, 2009. S. 159.